

Тургенев теперь не локализует «центростремительное» начало одним периодом художественной и исторической эволюции (периодом романтизма), но наряду с противоположным ему началом рассматривает как две постоянно действующие силы человеческого прогресса.

Здесь встает вопрос о соотношении тургеневской концепции с философией Шопенгауэра, хотя он, конечно, требует специального рассмотрения. Сходство уже не раз указывалось (прежде всего польским ученым А. Валицким). С точки зрения нашей проблемы следует, однако, подчеркнуть важность не столько отдельных реминисценций и переключек, сколько отказа от детерминизма. Еще Л. В. Пумпянский обратил внимание на фразу из «Довольно» (1864), «представляющего центральный манифест тургеневского шопенгауэрства»: «...Если бы вновь народился Шекспир, ему не из чего было бы отказываться от своего Гамлета, от своего Лира». «Эта фраза, — замечает исследователь, — кажется переводом из немецкого мыслителя» [27, с. 11].

* * *

Оставляя за пределами работы историю критической интерпретации «Гамлета и Дон-Кихота» (это тема специального исследования), наметим лишь две-три вехи. Те вехи, которые помогут оттенить смысл тургеневской концепции.

Первые критические отклики на статью, появление которой совпало с опубликованием «Накануне», были пронизаны острой и откровенной злобой дня. Критик П. Басистов свидетельствовал: читатели решили, будто бы своей статьей Тургенев дал «ключ» для разумения Инсарова [28, с. 8]. Такой «ключ» не устраивал прежде всего революционно-демократическую критику, и поэтому Н. А. Добролюбов в своем разборе романа «Накануне», не упоминая, правда, тургеневской статьи, поспешил оспорить всякое сходство между Дон-Кихотом и ожидаемым русским Инсаровым. «Отличительная черта Дон-Кихота — непонимание ни того, за что он борется, ни того, что выйдет из его усилий...» [29, с. 56]. Соображения Добролюбова понятны и исторически прогрессивны: революционная демократия заботилась о воспитании человека дела, «сознательно... проникнутого великой идеей» (курсив наш. — Ю. М.) [29, с. 67]. Но ведь и Тургенев, при всех отличиях своих взглядов (революционных убеждений, как известно, он не разделял), вовсе не выступал за бездумную деятельность. И отнюдь не в этом состоял пафос «Гамлета и Дон-Кихота».

Как это часто бывает в таких случаях, признание к произведению пришло значительно позднее, когда угасла злоба дня, отпали те или другие современные ассоциации. Из позднейших оценок «Гамлета и Дон-Кихота» наиболее интересны две — Л. Толстого и Н. Лескова.

В. Лазурский, учитель детей Л. Толстого, записал 23 июля 1894 г. в дневнике: «Выше всех (у Тургенева) он (Толстой) ставит „Довольно“ и статью „Гамлет и Дон-Кихот“. Говорил, что писал статью о Тургеневе, где рассматривал эти два произведения в связи одно с другим (настроение разочарования и потом указание пути спастись от сознания пустоты)» ([30, с. 450]; сходную мысль Л. Толстой развивал и в письме к А. Пыпину от 10 января 1884 г.).

Отзыв, принадлежащий Лескову, стал известен науке сравнительно недавно [31, с. 120—123]. Сообщая в одной из корреспонденций («Биржевые ведомости», 1869, № 307) о некоем Рогальском, новом варианте старого типа «благородного разбойника», писатель прибавлял: «Замечательно, как живуч и как верно повторяется этот тип Дон-Кихота в нашей Украине. Рогальский похож на Кармелюка, Кармелюк на Тришку и т. д... По закону все они преступники, это так, но, вникая в их психические задачи, нельзя по поводу их не припомнить слишком известной статьи И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот“, по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоящим бóльших симпатий, чем Гамлет. Тришка, Кармелюк и Рогальский не могли смотреть взглядом городничего в „Ревизоре“, что все-де „это так